

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.14
EDN PPSHML

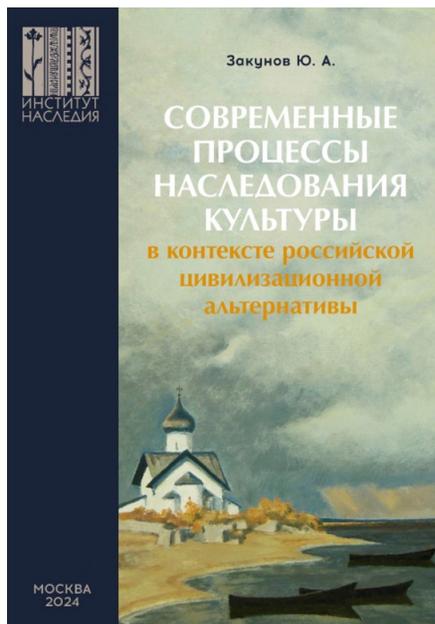
Г. С. Широкалова

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ. НА КАКИХ ОСНОВАНИЯХ?

(Рецензия-размышление на книгу Закунова Ю. А. Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы [Электронное сетевое издание]. – Москва: Институт Наследия, 2024. – 232 с. – DOI 10.34685/m2007-1519-0840-1)

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия) известен многогранными исследованиями традиционных ценностей народов России. В данном случае вышла монография, полемичность которой несомненна: она выводит читателей за рамки научного дискурса в практико-политические координаты.

Вначале дадим обобщенную характеристику ее содержания. В первой главе «Наследование культуры и российская цивилизационная альтернатива» анализируются «Динамика формирования российской цивилизационной альтернативы в контексте наследования культу-

ры» и «Наследование нематериального культурного наследия». Глава вторая «Современные практики наследования традиционной культуры в контексте цивилизационной идентичности России» посвящается самобытности «Наследования традиционной народной культуры на примере народных художественных промыслов» и «Культурному коду российской цивилизации традиционного народного искусства в событийном менеджменте».

Самая полемичная – третья глава «Вызовы и угрозы наследованию традиционных ценностей в современной России», в которой дана характеристика «Цивилизационным вызовам и угрозам национально-культурной

идентичности» и «Угрозам наследования традиционных ценностей в условиях современного обострения цивилизационного противостояния». Теоретические выводы автор обосновывает, в том числе, фоторядом изделий современных изделий (хохлома, городецкое золотное шитьё, павловопосадские платки, чкаловский гипюр, кубачинское серебро и др.) и полотен, на которых осмеиваются символы народной культуры на выставке «Арт-Россия 2023». Впрочем, символично и оформление монографии, на титульном листе которой воспроизводится хмурое небо пейзажа П. П. Оссовского «Гроза прошла» (1925). Прошла ли она, или еще будет длиться бесконечно долго, прерываясь на исторические мгновения?

Уточним, что мы разделяем то беспокойство, которым пронизано исследование Ю. А. Закунова: каково будущее российской цивилизации? И на это есть причины. Ситуацию в современной российской культуре можно охарактеризовать как управляемый хаос: ее зарубежные и внутрироссийские акторы многочисленны и представляют весь спектр мировоззренческих позиций современного мира. Но среди них есть обладающие реальной властью, и, как следует из содержания монографии, именно они во многом определяют культурную политику России. Специальная военная операция несколько откорректировала идеологическую картину через принятие правовых актов, но доказательства приоритетности «хаоса» ежедневно транслируются в СМИ: от TV до интернет-сетей. Представлены они и иллюстрациями с выставки «Арт-Россия 2023».

В одной рецензии невозможно осветить все многообразие проблем, поднятых в монографии, поэтому ограничимся обсуждением тех, что вытекают из методологических подходов, задающих ее структуру и содержание: ценностно-цивилизационного, системного, коммуникативного, функционального. Закономерен выход автора на междисциплинарность, дающую возможность получения, с одной стороны, новых знаний «на пересечении наук о культуре, социологии, социальной философии, антропологии, аксиологии, коммуникативистики и цивилизационной проблематики», а с другой стороны, выявляющих мнение «экспертов и практиков, являющихся акторами процесса культуронаследования, включая коллективную научную рефлексию государственной культурной политики (ГКП), дискуссионные совместные мыследеятельностные формы работы, событийные формы экспертного влияния на принятие важных государственных решений» (Закунов, 2024. С. 5).

Цель монографии – доказательство «гипотезы, что системообразующей основой процесса культуронаследования являются взаимосвязанные предметно-информационные, инструментальные и ценностно-смысловые компоненты культуры деятельности, объединенные общими традиционными духовно-нравственными и эстетическими нормами, выражающими цивилизационный код России» (Закунов, 2024. С. 6). И она достигнута через привле-

чение современных теоретических и эмпирических исследований, их интерпретаций в современной, продолжающей традиции народной, культуре и в поп-«культуре».

Одной из задач исследования автор полагает выявление «на основе философско-культурологического и социологического анализа» «закономерности функционирования механизмов наследования культуры на примере выборочных совокупностей культурного контента, связанного с различными видами культуронаследования в различных областях, сделав содержательное обобщение современных практик наследования культуры, в частности в сфере народных художественных промыслов России, различных сферах творческих индустрий, культурно-просветительской, образовательной деятельности, средствах массовой коммуникации (Закунов, 2024. С. 6).

Итак, *предметно-информационная компонента*, это, как может понять читатель, некое знание, опирающееся на регулярное информирование о наличии разнообразных объектов культуры, в том числе народного искусства. Предложенный автором фоторяд свидетельствует о разнообразии элементов народной художественной культуры (НХК) в многонациональной Российской Федерации. Достаточно ли аудитория, знающих о причинах ее возникновения и формах проявлениях? По нашему убеждению, нет. Приведем конкретный пример. Студенты сельхозвуза на занятиях из года в год при обсуждении промыслов в Нижегородской губернии не могут назвать причины их возникновения, хотя для этого надо всего лишь слегка знать историю России. Напомним причины и читателю. Сельское хозяйство в силу климатических условий и характеристик почвы не обеспечивало прожиточного минимума семей, что проиллюстрировано фотографиями М. П. Дмитриева, создавшего фотоэнциклопедию крестьянской жизни конца XIX века в голодные годы. Снимки выставлены в интернете, в нижегородском музее фотографии¹, о существовании которого студенты тоже не знают. Крестьянам нужны были иные источники дохода, какими и стали изготовление деревянной посуды, столярные работы по украшению фасадов домов, гончарный промысел, особые виды вышивки, узорное ремизное ткачество и др.

По разнообразию промыслов Нижегородская область занимала третье место в стране, но из богатого списка студенты называют только хохломскую и городецкую роспись, поскольку на центральной улице города есть магазин «Художественные промыслы», около которого на улице торгуют изделиями, изготовленными художниками «на дому». Неактуальность знания имеет историческое (в широком смысле слова) обоснование: в современный интерьер большинства квартир «не вписываются» ни доступная по цене го-

¹ Художественные альбомы фотографий с натуры: «Голодный год», М. П. Дмитриев, 1891–1892. – URL: <https://clio-historiya.livejournal.com/410410.html> (дата обращения: 04.03.2024).

родецкая роспись, ни недоступный для большинства населения нижегородский гипюр. Не функциональны сарафаны с городецким золотым шитьем и нет социального заказа на украшения из кости, хотя в краеведческом музее в Варнавино Нижегородской области туристы с удовольствием принимают участие в мастер-классе по резьбе по кости. Эта новая форма работы с посетителями – важнейший шаг в развитии уважения к народным промыслам. В таком вовлечении мы видим одну из форм непосредственного проявления взаимосвязи информационной, ценностно-смысловой и инструментальной компонент, и разделяем положительную оценку Ю. А. Закуновым внутреннего туризма, как одной из форм наследования/поддержки народной культуры.

Но насколько востребована она не как историческая реликвия и элемент фольклора, а в повседневности бытия? Это уже пространство скорее инструментального компонента культуры, хотя признаем, что границы между ними часто условны.

Воспользуюсь приглашением Ю. А. Закунова к обсуждению проблемы социологов, использую данные исследования Российского общества социологов (РОС) «Культурные традиции и связь поколений» (Дулина и др., 2022. С. 151–154), тем более что «черт», как говорится, всегда в деталях, а именно их и акцентирует социология. В отступление от сложившихся традиций формы рецензирования приведем доказательства в табличной форме. Это позволяет читателю вступить в предметную полемику или согласиться с автором рецензии.

Особенности востребованности некоторых народных традиций отражены в таблице 1.

Таблица 1

*Распространенность элементов народной культуры среди студентов,
% от Федерального округа учебного заведения*

	Федеральный округ учебного заведения							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Учат и пользуются родным языком в повседневности	73,4	75,1	81,5	74,8	74,3	75,7	80,0	75,5
Читают литературу на родном языке	64,7	73,7	83,0	78,0	50,4	70,0	84,0	63,0
Готовят блюда национальной кухни	54,8	54,0	55,3	51,4	65,2	54,2	58,2	63,0
Уважают и соблюдают народные обычаи	52,8	50,0	44,5	45,9	73,0	51,6	51,7	71,9
Слушают национальную музыку	43,0	40,0	42,2	41,3	55,7	43,5	43,7	47,5
Знают и поют народные песни	35,5	28,6	28,5	33,0	37,0	32,4	33,5	39,2

Окончание таблицы 1

	Федеральный округ учебного заведения							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Собирают библиотеку на родном языке	31,8	37,2	44,1	44,5	22,2	30,3	40,6	32,4
Танцуют народные танцы	22,4	19,0	15,3	20,2	37,8	20,4	15,4	35,5
Исполняют религиозные обряды	20,4	18,8	16,7	21,6	34,0	16,9	12,0	39,7
Используют народную медицину	20,0	15,2	16,3	15,6	20,4	17,3	16,6	22,3
Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	16,5	12,9	8,0	7,8	22,2	12,4	7,4	23,1
Воспитывают детей в традициях своего народа	15,3	13,1	14,9	12,8	25,9	17,6	10,8	29,5
Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	12,4	9,3	9,7	7,3	16,6	10,9	12,6	19,0
Играют на национальных музыкальных инструментах	11,0	9,5	8,6	5,5	28,2	10,9	8,3	14,0
Освоили народные промыслы	10,4	7,5	7,8	5,0	15,9	9,7	6,5	16,6
Используют в одежде элементы народного костюма	9,1	6,9	7,4	12,4	29,2	10,3	6,8	17,3
Имеют собственный национальный костюм	6,7	5,1	4,7	4,1	37,0	6,6	2,8	13,0
ИТОГО:	500,3	475,9	488,2	481,2	645,1	490,8	490,8	622,2

* Пропуски: 1949 из 9751 (20,0 %)

** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

*** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,069, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Не будем описывать иерархию элементов народной культуры: она наглядно представлена в таблице. Общее число ответов, данное студентами, показывает наибольшую «верность» национальной культуре в Северо-Кавказском федеральном округе (622,2 % ответов, т. е. по 6 ответов на каждого опрошенного). Мы не случайно включили в таблицу ряд элементов, не имеющих прямого отношения к НХК, через историю которых автор иллюстрирует народную культуру: менталитет формируется через множество взаимообусловленных практик. Те, кто имеет национальный костюм, могут хранить его как подвенечное платье бабушки в «семейном музее» и не владеть в отличие от нее белой чкаловской гладью. Но они более лояльны к символической ценности элементов народного костюма в повседневной одежде.

Сравнение оценок студентами своего поколения с поколением «бабушек/дедушек» свидетельствует об угасании интереса к перечисленным элементам народной культуры. Но ... уважение и соблюдение народных обычаев настолько обобщенный показатель, что в большей степени демонстрирует лояльность к ним, чем востребованность, и не раскрывает, в чем они проявляются. Так, в СКФО 71,9 % студентов отметили уважение и соблюдение» традиций, но лишь 17,3 % используют в одежде элементы народного костюма и 13,0 % имеют собственный национальный костюм. Среди прародителей доли в два раза выше: соответственно 35,8 % и 28,3 %.

Интериоризация народной культуры в большей степени сохраняется в таких повседневных практиках, как использование родного языка и рецептов национальной кухни. Остальные постепенно приобретают фольклорный статус. Однако есть и другая сторона медали: аутентичность наций сохраняется в других практиках – обычаях. Например, возрождение на Кавказе многоженства при лояльном отношении к нему значительной части женщин, в том числе с высшим образованием (Загирова, 2021. С. 201–206), становится приемлемым и в России: мигранты заводят здесь вторые «семьи» со славянками.

Приведу сюжет одного из интервью: «Приехали к нам в Уренский район. Не успели обосноваться узбеки, как “нам нужна вторая жена”. Отношение к ним стало настороженное. Но они умеют ухаживать, уговаривать, а женщина любит ушами. К тому же мужчин сейчас в деревнях мало молодых. У меня самой в семье такая ситуация. Дочь в 18 лет поверила, наобещал, а когда родила, оказалось, что у него вторая жена в соседнем селе живет и ребенок есть. А на родине тоже жена с ребенком. Приезжала знакомиться. Моя поплакала, но смирилась. Сколько я ее предупреждала, а она в ответ: “Мама, ты не понимаешь ничего. Мы любим друг друга”. Теперь говорит: “Мама, ты была права”. Но ведь соглашается быть третьей женой». Подобная практика распространяется и среди славянского этноса: работая на вахтах, мужчины создают там «гражданские браки», а юридический брак жена сохраняет, чтобы «поднять детей».

Ю. А. Закунов прав, отмечая, что «одной из коллизий на путях национальной самоидентификации России является то обстоятельство, что утверждение декларируемых вышеперечисленных традиционных ценностей, призванных быть общими для всех в многонациональной стране, наталкивается на ценности народов и субкультур, которые тоже традиционны, но подчас духовно неоднородны и всегда многообразны в своих проявлениях. Не кроется ли здесь опасность перелицованного на отечественный манер иллюзорного западного мультикультурализма, потерпевшего крах?» (Закунов, 2024. С. 15).

На наш взгляд, «крах мультикультурализма» – это фигура речи для успокоения сторонников «национального иммунитета»: несмотря на некоторую активизацию национальных движений на Западе, они не имеют, за редким исключением, националистической социальной базы в своих странах, а без

нее как актора тенденция на всеобщий глобализм/мультикультурализм сохраняется. Вне сомнения, опасность утраты самоидентификации есть у всех народов в поликультурной стране, но процесс идет с разной скоростью. А вот «неполноценность, расчлененность духовно-душевно-телесного мира личности, несоответствие декларируемой политиками духовно-нравственной системы ценностей способам ее реализации, диспропорции между основными ценностными компонентами культуры деятельности – информационными (*что?*), инструментальными (*как?*) и ценностно-смысловыми (*зачем?*)» (Закунов, 2024. С. 17), которые перечисляются Ю. А. Закуновым, как раз имеют место, поскольку у каждой из них есть социальные базы с том числе с противоположными смысловыми установками, формирование которых активизируют рыночные отношения. Потребительство, как их атрибут, включает не только (и не столько) погоню за товарами, но и потребительство (в том числе символическое) по отношению к окружающим людям, даже из ближнего круга¹, что отражается в молодежном сленге «А что я буду за это иметь?».

Автор вновь прав, предупреждая, что «вызовы в отношении национальной идентичности являются внутренними причинами всевозможных социальных дисфункций и конфликтов, порождая пошлость, лицемерие, взаимное отчуждение граждан и власти, что напрямую угрожает целостности страны» (Закунов, 2024. С. 17). Но спасет ли предлагаемое им средство предотвращения таких конфликтов? Цитируем: «За границей Россия воспринимается, прежде всего, как страна русского народа. К сожалению, отсутствует четкое определение места и роли русского народа, а в массовом сознании господствуют стихийные или навязанные извне конструкты и стереотипы. Думается, что русские должны быть определены сейчас как суперэтнос, т. е. не столько в антропологическом смысле, сколько в этнокультурном, духовном. Как гражданский этнос (“россияне”) не сложился, является химерическим (наподобие “советского народа”) и не сложится, если его мыслить и формировать как чисто формальное правовое единство при сохранении многообразия этнокультурных “духовных ценностей”, суперэтнос может сложиться лишь как результат органичных процессов в сфере культурных межэтнических коммуникаций, аккультурации и ассимиляции, в которых русской культуре задана определяющая роль. Надо делать все возможное, чтобы культурные достижения русского народа светили остальным народам, а его благополучие было бы положительным примером и залогом благополучия остальных, а отнюдь не основанием для морального неприятия, зависти, обвинений в экспансионизме или паразитизме» (Закунов, 2024. С. 30).

Мало кто из русских людей не подпишется под девизом «светить всегда и везде». Но каковы механизмы обеспечения этого культурного превосходства?

¹ Дискуссионный клуб 12. Выпуск 3. – URL: <https://www.volgatech.net/education/news/415400> (дата обращения: 04.03.2024).

К образованию имели/имеют доступ все народы. Согласно последней переписи населения доля русских, имеющих ученую степень, составляет 1,1 %, лиц с высшим образованием – 20,9 %. Среди народов РФ, численность которых превышает миллион человек: у татар, соответственно, 1,1 %, 21,4 %, у чеченцев – 0,3 % и 12,1 %, башкир – 0,8 % и 15,7 %, чувашей – 0,7 %, и 18,6 %¹. Колебания есть, но так ли они значительны? То есть у каждого народа есть своя интеллектуальная элита, ориентированная на сохранение уникальности своей нации. Социальный капитал приобретается через воспитание в соответствующей культурной среде, а Россия – содружество национальных республик и это факт, который определяет национальную политику всего государства.

Советский народ, по мнению автора, был химерой, но это именно та историческая интернациональная общность обеспечивала и развитие этносов, и их сосуществование без крупных этнических конфликтов. Именно тогда формировался культурный суперэтнос, что отражалось в самоназваниях «русский татарин», «русский цыган», что подчеркивало референтность русских как социальной группы. Проявлялось это и в увеличении от переписи к переписи доли считающих русский язык родным.

Идеологические оценки могут быть любыми, но массовая ностальгия по советскому времени, в том числе у молодежи, – зафиксированный факт. Дух воспоминаний даже преобразил пейзаж современного брендинга, что отразилось, в том числе, в антикультуре (Закунов, 2024. С. 134, 176, 177, 181–188). Межэтнические коммуникации, аккультурации и ассимиляции при определяющей роли русской культуры формировали бы ценности «любви, правды, свободы, добра, красоты, чести, справедливости, трудолюбия» (Закунов, 2024. С. 57), если бы эти ценности сегодня были присущи большинству русского народа и подкреплялись реальной, а не декларируемой политикой государства. Но об этом несколько позже.

С начала разрушения СССР и, соответственно, единого народнохозяйственного комплекса, люди остались без работы, средств к существованию и скрепы менталитета оказались хрупки. В итоге исследователи и сейчас фиксируют, что «мотивации инструментально-прагматического свойства явно перевешивают мотивации культурно-идентификационного свойства. Люди перестраивают иерархию своих идентичностей и лояльностей в зависимости от обстоятельств»².

---

¹ Таблица 10. Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам, полу и уровню образования. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 04.03.2024).

² Поведенческие стратегии и отношение к России центральноазиатских трудовых мигрантов (на примере Таджикистана и Кыргызстана) // Научный дайджест. – 2023. – № 9 (26). – URL: [https://www.hse.ru/data/2023/09/29/2063435088/Human_Capital_NCMU_Digest_26_Restoring_Behavioral_Strategies_2023%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2023/09/29/2063435088/Human_Capital_NCMU_Digest_26_Restoring_Behavioral_Strategies_2023%20(1).pdf) (дата обращения: 05.03.2024).

Сошлемся на респондентку, переехавшую с семьей в г. Городец (Нижегородская область) из окрестностей Бишкека: «Там не было таких конфликтов, как в других республиках, русский язык сохранялся как государственный. Но сначала уехали евреи, потом немцы, затем русские. Русских тоже начали увольнять, но мне это не грозило. Увольняли молодежь, у которой не было специального образования или стажа работы. А до этого в Бишкеке редко встретишь киргиза. Друзья киргизы говорили: “Оставайтесь, мы вас защитим”. А я им: “Будете защищать, пока вам ничего из-за нас не угрожает”. Работа была у меня хорошая. В аэрофлоте. Все там оставили, продать было невозможно. Сын в Москву поступил учиться. В Городец приехали, работы нет. Полгода к знакомому, который уговаривал в Городец переезжать, ходила: хоть куда готова пойти работать. Скольким раз с обманом начальников сталкивалась. Начальник обманул – такого я даже не представляла. Наконец взяли администратором в управление. Люди не знают, как решить свою проблему, помогаю, советую куда обратиться. Они в администрацию пишут благодарности. А сослуживцы сердятся: “Два-три месяца работаешь, уже благодарности, а мы годами здесь и нам никто не написал”. Я им недавно на своем юбилее напомнила, как меня встретили. (Рассказывает и вдруг глаза повлажнели: до сих пор, видимо, больно вспоминать. – Авт.). У нас в Киргизии как было принято: горе у соседей – все помогают. Праздник, не важно, русский, мусульманский – столы во дворе, каждый несет, что может. Здесь также на Новый год стол выставила, накрыла. Соседей пригласила – они на меня как на ненормальную смотрят. Привезла я с собой “водогрейку”: посуду помыть, постирать. Здесь горячей воды в домах не было. Через какое-то время надо было ее починить. Ищу электрика. С завистью спрашивают: “У тебя дома горячая вода?” Знакомых у меня много, а друзей не завела. С прежними отношения поддерживаю, но с 2022 года друг к другу не ездим. Сейчас семья занимается бизнесом».

Уточним: Городец город с населением менее 29 тысяч, т. е. малый населенный пункт, в которых традиции сохраняются дольше, чем в крупных городах, а тем более мегаполисах. Но какие? Вспомним Н. Некрасова: «Она улыбается редко... / Ей некогда лясы точить, / У ней не решится соседка / Ухвата, горшка попросить; / Не жалок ей нищий убогий – / Вольно ж без работы гулять!..»¹

Разными были русские. Идеализация своего народа нужна: через нее поддерживается национальная идентичность, но нужна и объективная оценка. А рынок актуализировал не лучшие черты. Он поменял менталитет у всех народов. Отдельные примеры сопереживаний ситуативны. Не будем обманываться и волонтерством: «Книжка волонтера» дает существенные преимущества молодежи.

¹ Некрасов Н. Есть женщины в русских селеньях (отрывок из поэмы «Мороз, красный нос»). – URL: <https://www.culture.ru/poems/39568/est-zhenshiny-v-russkikh-selenyakh-otryvok-iz-poemy-moroz-krasnyi-nos> (дата обращения: 14.03.2024).

И вновь отметим правоту автора: «Не только в частных либеральных СМК, Интернете (соцсетях) и авангардных культурных продуктах, но, главное, на государственных каналах русофобия никуда до последнего времени не девалась. В более изощренном виде она под маской критики, иронии, обличения в современном юморном и “трэшвом” формате тех недостатков российской действительности и образа России, во многом самими критиками или их единомышленниками созданных и транслируемых» (Закунов, 2024. С. 121). Объективно отразим: русские перестали быть референтной группой, и одно из свидетельств – агрессивность мигрантов по отношению к местному населению.

Большую часть монографии автор посвятил народным промыслам. И, в частности, аутентичности «домашнего творчества», традициям и оценкам их вариаций. Ю. А. Закунов пишет: «Защита культурного суверенитета в культурной политике требует отмежеваться как от образцов, чреватых ловкой мимикрией под национальный колорит или, напротив, отягощенных парадностью и официозом, так и от позиционирующих себя в лице современных креативных индустрий» (Закунов, 2024. С. 59).

Полностью разделяем постулат о необходимости защиты суверенитета в культурной политике, в том числе через товарные знаки (например, от китайских производителей «российских народных промыслов»). Но дискусионен вопрос о границах традиций. Можно ли получить статус Заслуженного художника без внесения в традицию элементов самобытности? Это в чем-то аналогично творчеству иконописца: придерживаясь «прописи» надо создать уникальный образ святого.

Можно/надо ли ввести запреты на изготовление памятной продукции к официальным юбилеям? Разве не украшают музеи, к примеру, символы Победы в Великой Отечественной войне на хохломских панно и вологодских кружевах, выполненных лучшими мастерами, работающими в традиционной манере? А если они предназначены для международных подарков – то это эффективный способ формирования «мягкой силы». Да и для иностранных туристов сувенир важен как напоминание о стране, а не предмет высокого искусства.

Можно осудить это как следование в фарватере «централизованного сбыта советского времени» (Закунов, 2024. С. 61), но не благодаря ли ему сохранились народные промыслы в условиях утраты бытовой функциональности деревянных ложек, тарелок, длинных сарафанов, лаптей? Кстати, международная торговля – важная причина аргументации за государственную поддержку народных промыслов. В мире давно используется такая стратегия. Например, для формирования положительного отношения к своей стране Япония помогала фирмам открывать точки питания с суши в других странах. И «отменить культуру суши» в России, внося запреты даже на государственном уровне, не получится.

Но вернемся к НХП. Конечно, есть и ловкая мимикрия. И иллюстрации к монографии – тому пример. Но каковы допустимые границы изменений? Художники не могут быть в жестких рамках не только как люди творческие, да и заказчики часто предпочитают обновленные/осовремененные модели, исходя из запросов покупателей. И эта новизна материально поддерживает традицию. Словом, дискуссии о соотношении двух путей неизбежны и вечны как мир...

И еще один очень важный момент: об активной жизненной позиции автора по сохранению национальных ценностей свидетельствует не только публицистичность текста. В монографии приведена переписка Ю. А. Закунова с Министерством культуры России. Это очень важно: отстаивать свою позицию не только в научной среде.

Каков итог? Монография будет полезна тем, кого беспокоит будущее России. Ее публицистичность стимулирует поиски аргументации за и против собственной позиции читателя. А фоторяд будет полезен и для преподавательской деятельности.

Список источников

Дулина Н. В. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) / Н. В. Дулина, В. П. Засыпкин, В. А. Мансуров, Е. И. Пронина, Г. С. Широкалова, Д. В. Шкурин, П. С. Юрьев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 5(80). – С. 151–154. – DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.

Загирова Э. М. Общественное мнение об институте многоженства (на примере Дагестана) / Э. М. Загирова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 2. – С. 201–206. – DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-201-206.

Закунов Ю. А. Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы [Электронное сетевое издание] / Ю. А. Закунов. – Москва: Институт Наследия, 2024. – 232 с. – DOI 10.34685/m2007-1519-0840-1.

References

Dulina N. V., Zasyupkin V. P., Mansurov V. A., Pronina E. I., Shirokalova G. S., Shkurin D. V., Yuryev P. S. Cultural traditions and communication of generations (information about a scientific project). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2022; 5(80): 151-154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014 (in Russ.).

Zagirova E. M. Public opinion on the institution of polygamy (on the example of Dagestan). *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Administration. Scientific notes*. 2021; 2: 201-206. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-201-206. ISSN 2079-1690 (in Russ.).

Zakunov Yu. A. Modern processes of cultural inheritance in the context of the Russian civilizational alternative [Electronic online edition]. *Moscow: Heritage Institute*. 2024; 232 p. DOI 10.34685/m2007-1519-0840-1 (in Russ.).

Широкалова Галина Сергеевна

Доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Приволжского филиала ФНИСЦ РАН;
старший научный сотрудник Нижегородского государственного
лингвистического университета